

Вместо вступления

«Заблудшие корабли» — продолжение повести А. Ф. Оссендовского «Белый Капитан».

«Белый Капитан» заканчивается для главных героев полным уходом от взаимного общения. Каждый из них оказывается наедине со своими мыслями и жизненными проблемами.

Постоянно преследующая Белого Капитана мысль — это месть родному городу, светскому обществу и семье, всем тем, кто выбросил его на бездорожье жизни как бесправного нищего. Но, разглядев всё внимательнее, он наметил совсем другие планы...

Это только казалось Белому Капитану, что он достиг своей цели и твёрдо стоит на дороге больших начинаний, вовлекающих всё новых и новых людей.

Но достаточно было появиться короткой заметке в одной из газет, чтобы сразу отодвинуть в сторону далеко идущие сибирские планы и вскочить в первый же поезд, направляющийся в совершенно противоположную сторону. Огонёк прежней настоящей жизни, подёрнутый пеплом его равнодушия к прошлому, разгорается и возвращает его в русло прежних забот и привязанностей.

Эльза Торнвальсен — этот скромный цветок горного вереска, встречающийся на суровых крутых склонах могучих фьордов Норвегии, своим неповторимым ароматом и обаянием вновь всколыхнул душу, казалось бы, всё забывшего моряка. Это пробудило бурю воспоминаний о целой трагедии швыряемой жизнью маленькой скорлупки, какой было судно «Витязь», и перешло в ощущение незнакомой ему до сих пор разъедающей тоски, как если бы открылась старая, давно зажившая рана.

Ведь это Эльза рассказала когда-то Капитану старую легенду о заблудившихся кораблях, которых настиг и окутал густой туман, а налетевший норд разметал их, шедших в кильватере, сделал не видимыми и не слышимыми друг для друга.

Эльза сравнивала себя и Белого Капитана с этими кораблями, которые плывут где-то параллельными курсами к одной лучезарной цели, не имея возможности встретиться и идти рядом общим и правильным путём.

Не являются ли эти заблудшие корабли также прообразом тех запутавшихся всецело в борьбе за богатство людей — золотоискателей, которых Белый Капитан пытается вывести на верную дорогу подлинно христианских ценностей.

Ю. Перцовский,
переводчик с польского языка

Город воздействует

Город, о котором пойдёт речь, представляет собой один из самых больших центров некоторого европейского государства. Совершенно безразлично для читателя и для автора, был ли этот город французским, английским, немецким или польским, потому что с каждым днём все самые значительные человеческие средоточия становятся всё более похожими друг на друга. Не идёт речь о том внешнем впечатлении, так как в Нью-Йорке стоят удивительные небоскрёбы, в Париже — полный полёта и вдохновения кафедральный собор Notre Dame и неприкрашенный, стальной скелет Эйфелевой Башни, в Берлине — богатая обширная резиденция Гогенцоллернов, в Варшаве — Старый Город и Цитадель, где московские захватчики убивали тех поляков, которые осмеливались поддерживать в душах своих братьев и сынов огонь любви к родине.

Автор подразумевает другое разительное сходство. Города пульсируют лихорадочной жизнью. Пульс их многократно превышает норму: сердце, похоже, собирается выскочить из их каменной груди; кровь, в которой заменили люди, ни то красные, проворные, кровяные тельца, ни то белые, всюду заглядывающие, мчится быстрыми потоками, состоящими из бесконечных хороводов автомобилей, поездов, самолётов и всё более усиливает пожирающую всё тело города лихорадку.

Кто же будет спорить о том, что только количественная разница существует между улицей 27 декабря в Познани или Маршалковской в Варшаве и перекрёстком Five Avenue и 45 Street в Нью-Йорке, Piccadilly в Лондоне и Большими Бульварами или площадью Оперы в Париже. Впрочем, разбег тот же самый и тот же самый темп с высоким напряжением всех жизненных сил.

Самым большим сходством, бьющим в глаза, становится безразличие больших кричащих, богатых, неудержимых в беге

городов к беднякам, к слабым и падающим от усталости, и одновременно оживлённая, почти грубая заинтересованность каждым человеком, который внезапно выбился над толпой и от этой толпы ничего для себя не требует.

То же самое произошло и в том безымянном городе, от которого автор начинает своё повествование.

В течение нескольких дней всюду болтали и выпытывали о Питте Гардфуле. О нём говорили постоянно и делали самые разные, порой вовсе фантастические домыслы в банках, правлениях акционерных обществ и пароходных компаний, на скучных общественных собраниях и на благотворительных концертах.

Имя Питта Гардфула часто раздавалось в канцеляриях полицейских комиссариатов, в шикарных ресторанах, где для улучшения пищеварения подкрепляли душу сплетнями и насмешками над всем и всеми, шептали о Гардфуле по тёмным углам пахнущих рыбой и чесноком портовых таверн, где толпились мрачные и злые уголовники, матросы и безработные, отчаявшиеся и озабоченные так безмерно и так безнадёжно, что порой продавали последнюю одежду, чтобы сделать глоток одуряющего алкоголя и хотя бы на время забыть о заплаканном лице жены, о бледных дрожащих губах голодных детей, которых подстерегала смерть, неотступная подруга и милосердная спасительница всех бедняков целого света.

Питт Гардфул становился самым популярным человеком громадного города, дразнил, вызывал интерес, выводил из равновесия, пробуждал зависть и надежду.

О нём рассказывали бесконечные, туманные, и ещё более окружающие его таинственностью, истории, число которых росло с каждым днём.

В то же время, с полной уверенностью, знали о нём только то, что положил он в самый солидный банк огромную сумму в золоте и открыл текущий счет, что купил себе красивую виллу

за городом и автомашину хорошей марки, что в небольшой срок подыскал на бирже и собрал за небольшие деньги в своих руках почти все акции одной компании, которая находилась в состоянии неизбежного банкротства, когда вдруг получила какой-то правительственный заказ и сразу возродилась, обогащая вместе с тем своего фактического владельца.

Вскоре стало известно также, что таинственный приезжий был моряком, так как его слуга или товарищ, рыжий как пламень, бывалый человек, Джулиан Мигуэль, называет Питта Гардфула капитаном или штурманом.

Удивительно, что кроме банка, правления упомянутой компании и церкви, неизвестный пришелец нигде не бывал, сидя в своей вилле или совершая далёкие поездки на автомобиле. Репортёр одной из наиболее бойких газет пытался раздобыть какие-то сенсационные подробности от дирекции банка и предприятия, но эти господа, удивляясь торговым способностям Питта Гардфула, ничего более о нём не знали.

Проинформированный о неудаче коллеги, репортёр курирующей газеты пришёл к мысли разузнать что-то у приходского священника церкви, которую каждое утро посещал таинственный человек.

Священник улыбнулся радостно, уведомив, что хорошо знаком с господином Гардфулом и может утверждать, что он является настоящим христианином, имеющим как самые лучшие, так и самые справедливые намерения в будущем.

— Какие же это намерения? — спросил, ничуть не сдерживая своего любопытства, репортёр и приготовился уже писать, но тотчас же остановился и с плохо скрытой иронией и неприязнью взглянул на священника, так как тот сложил набожно руки и ответил спокойно:

— Этот благородный человек обещал мне, что отреставрирует боковую часовенку с алтарём «Маленькой Святой» Терезы из Lisieux! Я настолько теперь счастлив!

Питт Гардфул по-прежнему оставался таинственным иностранцем, хотя и весь город смотрел на него миллионом бдительных глаз, и всегда недоброжелательных, подглядывающих и критикующих.

Таинственность, окружающая нового гражданина, стусилась ещё более после одного случая.

Упомянутый уже рыжий Мигуэль посетил однажды большую таверну, всегда заполненную пьяной, играющей в карты и в кости или просто болтающей чернью, среди которой случайно оказался клерк какого-то банка.

Веснушчатый Мигуэль, жестикулирующий ожесточённо и выразительно, всегда смеющийся, пил что-то крепкое в компании нескольких матросов.

Внезапно один из них воскликнул:

— Повезло тебе, что плавал с Питтом Гардфулом, Мигуэль!

Мигуэль рассмеялся ещё громче и ответил:

— Белый Капитан не брал с собой кого попало в это плавание! Го, го! Я должен был свидетельствовать своим словом за каждого. Капитан знает, что я ему не изменю и не подведу!

— Где же, Мигуэль, ты познакомился с Гардфулом!

Рыжий бывалый человек стал серьёзным и проницательным взглядом заглянул собеседнику в глаза.

Немного погодя скривил губы в усмешке и произнёс уклончиво:

— Познакомились мы, собственно, в этом городе...

— Где? — спросили Мигуэля.

— На улице...на той, которая одним концом начинается перед воротами дворца президента государства, а другим упирается в стену тюрьмы...

— Болтаешь загадками, приятель! — воскликнули разочарованные слушатели.

— Извините... — вставил внезапно вопрос сидящий за соседним столиком какой-то худой мужчина с угрюмым сучающим лицом и быстрыми сверлящими глазами, — Извините,

состоялось ли это знакомство ближе к первому, или же ко второму из указанных уважаемым господином пунктов?

Мигуэль быстро повернулся своим веснушчатым, задорным лицом к незнакомцу, и внезапно взорвавшись смехом, воскликнул громко:

— Это Вы, господин, уважаемый Пинк, ещё семените по этой земле? Я приехал сюда, собственно, с единственным намерением — доставить себе удовольствие, чтобы возложить венок на могиле такой почтенной и весьма полезной особы.

Худой незнакомец вежливо улыбнулся и шевельнул тонкими губами, шепча как в восторге:

— Узнал бы, Вас, всегда, Джулиан Мигуэль, хотя бы семеня на этой земле ещё сто лет, так как у Вас...

— Да, рыжая шевелюра — вставил Мигуэль.

— Нет, столько в Вас искренней весёлости в голосе, движения и блеска в глазах — объяснил худой незнакомец, складывая руки так, как если бы намеревался посудачить с добрым знакомым.

Однако в это мгновение Мигуэль наклонился к его уху и шепнул:

— Узнал меня, старый тюремный столб? Передай своему хозяину, этому толстому Элвину Свену, что встретил его прежнего любимчика, Джулиана Мигуэля, который в вашей тюрьме был известен под номером 253, и заткнись, что можешь болтать, что кого-то встретил в таверне «Черная Чайка». Бумаги, совесть и руки у меня чисты, а кроме того есть чековая книжка на собственное имя, господин Пинк, следовательно, ни синие мундиры, ни тюремные надзиратели ничего уже на мне не заработают. Болтай, болтай же себе, сколько влезет, джентльмен!

— Гм... Гм... — бурчал Пинк, ощупывая взглядом каждую морщинку на лице Мигуэля, каждый волос и каждую пуговицу его тужурки. — Если уже господин так благосклонен ко мне, то хотел бы узнать, кто такой этот таинственный Питт Гардфул?

— Зови палача и вели повесить! — засмеялся Мигуэль и начал прощаться с моряками, не кинув даже взгляда в сторону всматривающегося в него худого, скучающего незнакомца.

Тогда-то по городу грянула ошеломляющая весть, что слугой, а скорее доверенным лицом и другом Питта Гардфула является преступник, который отбыл наказание в тюрьме.

В обществе, которое старательно изображает из себя христиан, сорвалась буря. Наиболее уважаемые в городе граждане с пеной у рта кричали:

— Теперь всё выяснилось! Несомненно, Питт Гардфул тоже аферист, поступки которого приравняются к преступлениям, в настоящий момент не раскрытым. Великий Боже, что это за времена, что за моральность, что за люди?!

— Какими же обладаем причинами, чтобы называть господина Гардфула преступником? — спросил внезапно какой-то адвокат.

— Причины! — возмутился один уважаемый гражданин — Причины ясны, неоспоримы! Никому не известный человек прибывает в наш город, открывает в самом солидном банке какой-то фантастический счёт, что-то покупает, ни с кем не завязывает отношений и пользуется услугами — бывшего арестанта! Что за времена?! Что за времена?!

Адвокат хотел засвидетельствовать, что «бывший арестант» может быть достойным доверия и уважения человеком, что никто не имеет морального права упрекать его в прошлом и окружать презрением.

— Суд оправдывает или обвиняет гражданина и члена общества, — говорил адвокат, воодушевляясь всё более, — если, таким образом оправдал его, то всё остаётся в порядке, подобно как случилось с уважаемым господином, когда прокурор отдал его под суд за злоупотреблением доверием клиентов. Прокурор привлёк господина к ответственности, но суд не нашёл достаточно убедительных причин преступления в его действиях. Господин председатель был оправдан и до сих пор занимает свой высокий пост.

— Мой господин... — пытался прервать щекотливые рассуждения адвоката уважаемый гражданин, но молодой человек уже не мог остановить поток своих мыслей и продолжал дальше.

— Если суд назначил преступнику наказание, и тот его отбыл, тогда этим самым его вина была искуплена, смыта, и очищенный человек должен считаться и быть признанным за нормального гражданина общества! Если так происходит, суд имеет право на существование, если иначе, суд должен считаться за учреждение вредное и аморальное!

— Фи! — пренебрежительно подняв плечи, вмешался почтенный господин. — К чему столько красноречия и этот поток страшных слов?!

— Для того, чтобы научить людей щадить доброе имя ближнего и никаких обвинений без причин не бросать! — воскликнул молодой адвокат и, повернувшись крутом, отошёл от почтенной особы.

— Социалист! — прошипел себе под нос уязвлённый председатель и безукоризненный городской обыватель.

Однако же происшествие в таверне имело результат. Подробность из жизни рыжего Мигуэля указала бульварной прессе дорогу для выяснения дразнящей загадки.

Пресса эта, как известно, носит тогу Катона.

Никто (к счастью для прессы!) не осмелился взглянуть в свиток этой прекрасной тоги. В это время таились там злые духи без лика, а среди них самый страшный — дух жестокости. Не имеет он для себя ничего достойного уважения и в одну общую клоаку швыряет добрые и злые поступки, преступления и добродетели, жизни омерзительных берлог, разврат и тихий спокойный настрой домашнего очага, героизм мужчин и сердце женщины, и всё это не во имя каких-то возвышенных девизов или светлых идеалов, но во имя популярности, скандала, соперничества и сплетни, ловко пущенной и жадно подхватываемой улицей, лакомой к случаям и новым вестям, хотя бы самым изысканным и наиболее неправдоподобным.

Бульварная пресса быстро и тщательно справилась со своей задачей.

Пока что начали появляться статьи с возбуждающими интерес названиями. «Загадка загородной виллы», «Таинственный Белый Капитан», «Воспоминания почтенного Элвина Свена», «Головокружительная карьера» и ряд других, не менее сенсационных. После этого вступления газеты, видя, что заинтересованная особа молчит и не реагирует на выразительно начатую против неё компанию, решили воспользоваться okazji способом быстрым и безотказным.

Нашлись, однако, несколько предприимчивых репортёров, которым, несмотря на трудности, удалось поочерёдно посетить виллу Питта Гардфула и быть принятыми самим хозяином.

После долгого ожидания в холле, что непрошеным гостям уже окончательно надоело, а нетерпение росло, рыжий веснушчатый человек (это был Джулиан Мигуэль, о котором каждый репортёр, как ему казалось, знал всё), плутовски улыбаясь, вошел и торжественно объявил:

— Капитан, просит Вас!

Пройдя длинную анфиладу комнат, журналист останавливался перед закрытыми дверями кабинета хозяина виллы, а рыжий слуга, ещё более смеющийся шептал таинственным голосом:

— Входите, пожалуйста...

Навстречу такому гостю выходил среднего роста, широкоплечий мужчина с загорелым и серьёзным, как если бы не знающим улыбки, лицом. Слегка сощуренные глаза смотрели твёрдо, сильно стиснутые губы свидетельствовали, что умеют они со всей непреклонной непоколебимостью говорить: «да» и «нет». Особенно же возбуждали беспокойство движения этого человека. Несмотря на то, что левая рука висела у него безжизненно, его движения были эластичными и сильными,

и одновременно так сдержанны внутренне, что не могли быть ни на мгновение быстрее, ни на один микрон шире.

Один из репортёров который начинал жизненную карьеру, как боксёр, познакомился и подумал: «Этот человек окажется в состоянии в самое малое движение своего тела вложить всю силу...»

Ничего таким образом удивительного, что наблюдения такого рода не добавляли смелости и не возбуждали хорошей надежды в посещающих Питта Гардфула журналистах.

В сущности, никому из них не удалась деликатная и доверительная миссия, с которой они прибывали, оглядываясь подозрительно и беспокожно.

— Чем обязан вашему визиту? — падал твёрдый, холодно-вежливый вопрос хозяина.

Гость, несколько сконфуженный, отвечал неуверенным голосом:

— Вы, наверное, уже знаете, что вокруг Вашей особы нагромодили столько таинственности, что мой журнал жаждал бы иметь интервью с господином капитаном...

Хозяин безразлично пожимал плечами и спокойно заявлял:

— Завтра таинственность может окружить Вашу особу, господин редактор, но это не даст повода посторонним людям искать её в частном доме!

— Ну да, справедливо, но вы должны согласиться, что в этом случае дело представляется совершенно иначе и это, собственно, даёт прессе в известной степени право... — бурчал журналист, сбитый с толку.

— Пресса не имеет никакого права вмешиваться в жизнь частных особ до времени, пока это не начнёт касаться жизни других людей или чем-то угрожать им, — прервал Гардфул.

— Как раз в городе распространяются поразительные слухи, сплетни, я сказал бы оговоры, от которых журнал хотел бы защитить Вас! — оживлялся внезапно редактор или репортёр.

Питт Гардфул начинал тихо смеяться, и тогда гостю казалось, что этот удивительный человек сейчас взорвётся неудержимым гневом.

Питт Гардфул внезапно прекращал смех и, проницательно глядя на гостя, задавал вопрос:

— Может быть, я не выгляжу человеком, который знает, что хочет и умеет напомнить о своих правах?

— Ну, да, да... — бормотал журналист, — однако знаем, что журнал *Głos Gawiedzi* («Голос Черни») готовит сенсационную, не щадящую Вашей чести трёхколоночную статью... Нужно было бы предотвратить это, остановить публикацию этих деклараций, избежать прямо-таки скандальной популярности...

— Сколькими колонками располагает «Голос Черни»? — спросил Гардфул, сощуривая глаза и крепко стискивая губы.

— За вычетом объявлений и политических телеграмм, шестнадцатью, — информировал сбитый с толку журналист.

— Мой уважаемый редактор, — со смехом наклоняясь к нему, произнёс хозяин — если бы вы хотели обо мне писать, то даже этих шестнадцати колонок было недостаточно, а что же говорить о трёхколоночной статье? Мелкие детали, ничего не значащие эпизоды, это самое большее всего какой-то эпизод из моей достаточно пёстрой биографии!

Так ничего не добившись, из виллы таинственного капитана выходили один за другим редакторы и репортёры, от души чертыхаясь и безобразно огрызаясь.

После визита к Питту Гардфулу и обозрения его особы бульварная пресса не очень спешила с сенсационными статьями о «Белом Капитане» и питала читателей старыми, сто раз перестряпанными, подогретыми, посоленными и поперчёнными подробностями.

Питт Гардфул молчал и перестал принимать журналистов, хотя и эта беспокойная братия начала съезжаться даже из других городов.

Тогда-то и взорвалась бомба.

Запальный шнур её подпалил какой-то неизвестный, порядочный, смелый труженик пера из маленькой, никому так же не известной провинциальной газетёнки, носящей претенциозное, как для посмешища отысканное название: «Правда с Левого Берега».

Листок этот, напечатанный на серой тонкой бумаге, используемой для завёртывания солёной сушёной трески и сельди, выступил с сенсационной статьёй, публикуемой в течение трех дней.

Статья неизвестного автора, подписавшегося инициалами, имела исключительно смелое и необычное название: Миллионер-колодник — разве это название не было исключительно сенсационным?! В этой-то статье неизвестный бандит пера описывал Питта Гардфула, как молодого человека из хорошей уважаемой семьи, но с преступными наклонностями, которые привели его в тюрьму за ограбление тётки. Злоумышленник, зарегистрированный под номером 13, отсидел наказание в тюрьме и, выйдя на свободу, исчез без следа. Никто ничего о нём не слышал до момента, когда поселился он в родном городе, вернувшись после нескольких лет бродяжничества по свету. Дальнейшие подробности относились к категории домыслов, основанных на заявлении рыжего Мигуэля в портовой таверне. Автор статьи рассказывал, что действительно Питт Гардфул плавал в качестве штурмана на судне.

— Каким же мог быть этот корабль? — задавала вопрос «Правда с Левого Берега» и тотчас же добавляла: — Из, безусловно, конфиденциальных источников узнаем, что судно, руководимое Питтом Гардфулом, было парусным кораблём, занимающимся контрабандным ремеслом и торговлей живым товаром, поставляемым из захолустных портов Европы в Аргентину и Бразилию.

Бомба разорвалась, и в городе забурило, как в улье.

Если бы Питт Гардфул был существом, всё видящим и слышащим, его охватило бы, наверное, удивление.

Охватило бы без сомнения, потому что во всём описываемом городе куда не взглянешь, не нашёл бы Питт Гардфул человека, который не поверил бы сенсационному открытию «Правды с Левого берега». Нужно, однако, добавить, что разные обыватели по-своему относились к особе Гардфула.

В тавернах, портовых притонах и берлогах рабочего люда, пахнущего потом, смолой верёвок, палубными досками, луком и водкой, с улыбкой гордости между собой шептали:

— Взгляни на него! Тюремная тряпка, а выбился и удостоился чести, так как даже газеты о нём пишут и называют миллионером! Эх, вот бы и нам так суметь!

На элегантных *fajfach*, на бирже, в кабинетах разных бизнесменов, в театрах, говорили иначе:

— Питт Гардфул, подозрительный капитан какого-то судна, живёт среди нас, как равный с равными. Ба! Даже, как более значимый, так как не удостаивает нас знакомством! Какой-то там арестант, галерный, который нажил громадное состояние на тёмных делах, позволяет себе возвыситься над обществом, избегая общения! Такие типы должны быть исключены из круга достойных людей.

Однако исключить его было трудным делом, так как капитан собственно не принадлежал к привилегированному «кругу», избегая контактов с обществом и кругом знатных особ.

Однако оба «общества» пытались исключить миллионера-колодника из своих рядов.

Атаку начал директор банка, заявив Гардфулу, что не может иметь его в числе постоянных клиентов своего солидного учреждения, пользующегося доверием публики.

Питт Гардфул ответил спокойно и коротко:

— Прекрасно, что господин директор опередил меня, так как собственно вскоре ожидаю поступления значительных сумм, которые таким образом должен заблаговременно и надёжно разместить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru